

Эта книга, написанная с нашего согласия, призвана донести до людей правду и опровергнуть распространившиеся в последнее время ложные слухи о том, что случилось с нами в Андах¹. Мы посвящаем нашу историю страданий и взаимовыручки погибшим друзьям, а также их родителям, которые приняли нас с любовью и пониманием, когда мы острее всего в этом нуждались.

Педро Альгорта, Антонио Висинтин, Альфредо Дельгадо, Хосе Луис Инсиарте, Роберто Канесса, Альваро Манхино, Хавьер Метоль, Фернандо Паррадо, Карлос Пазс, Рамон Сабелья, Густаво Сербино, Даниэль Фернандес, Роберто Франсуа, Рой Харли, Адольфо Штраух, Эдуардо Штраух

Монтевидео, 30 октября 1973 года

¹ Анды, Андийские Кордильеры (исп. Andes; Cordillera de los Andes) — одна из самых длинных (9000 км) и самых высоких (гора Аконкагуа, 6961 м) горных систем Земли, окаймляющая с севера и запада всю Южную Америку; южная часть Кордильер. Местами Анды достигают ширины свыше 500 км (наибольшая ширина — до 750 км — в Центральных Андах, между 18 и 20° ю. ш.). Средняя высота — около 4000 м. *Прим. ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие основателя Музея андийской истории 1972 года	15
Предисловие партнера издания	19
Слова благодарности	21
Введение	23
Глава первая	29
Глава вторая	84
Глава третья	93
Глава четвертая	118
Глава пятая	134
Глава шестая	204
Глава седьмая	214

Глава восьмая	252
Глава девятая	267
Глава десятая	273
Глава одиннадцатая	297
Глава двенадцатая	305
Глава тринадцатая	317
Глава четырнадцатая	339
Глава пятнадцатая	358
PHOTO CREDITS	379

ПРЕДИСЛОВИЕ ОСНОВАТЕЛЯ МУЗЕЯ АНДИЙСКОЙ ИСТОРИИ 1972 ГОДА

1972 год. Вот уже почти четверть века после окончания Второй мировой войны мир разделен на два противостоящих друг другу блока. Холодная война в самом разгаре, а в Рейкьявике проводится «матч столетия» — знаменитый шахматный поединок между Робертом Фишером (США) и Борисом Спасским (СССР), ярко символизирующий непримиримую идеологическую конфронтацию обеих сверхдержав. В декабре того же 1972 года мир узнает, что после долгой и невероятно тяжелой борьбы за выживание в Андах спаслась небольшая группа людей. Эта новость становится поистине глобальной благодаря зарождающемуся спутниковому телевидению, достигает едва ли не каждого жителя планеты и вызывает широкий резонанс...

Пирс Пол Рид провел тщательнейшее расследование этой истории вместе с высокопрофессиональной командой помощников в Монтевидео. Тот факт, что спустя почти пять десятилетий, которые разделяют нас и описываемые в книге события, «Живые» все еще пользуются большой популярностью у читателей, свидетельствует не только о серьезной значимости самой истории, но и о выдающемся таланте автора. Книга стала мировым бестселлером, разошлась миллионными тиражами и переведена на многие языки.

Андийская трагедия учит нас тому, что люди, объединенные общей целью, совместными усилиями могут справиться с любыми трудностями, невзирая на природные условия, различия в характерах, политических и экономических убеждениях. Выжившие в Андах юноши были отражением уругвайского общества того времени. Их образование основывалось не столько на приобретении знаний, сколько на усваивании общечеловеческих ценностей. Они росли в истинно демократической среде, где социально значимые решения принимались посредством голосования, направленного на достижение консенсуса.

Мне хочется верить, что те ценности, о которых вы прочтете в данной книге (высокие цели, взаимовыручка, товарищество, вера, жертвенность), не пройдут. Выход «Живых» в русском переводе спустя сорок пять лет представляется мне добрым знаком и замечательным событием. Ознакомившись с книгой, вы лишний раз убедитесь, что в жизни есть не только победители и побежденные. Настоящая, достойная жизнь — это спайка, готовность пожертвовать собой, дабы помочь другим достигнуть общих целей, и смирение вопреки соблазнам, которые приносят слава и успех.

Самые первые слова записки, которую Фернандо Паррадо перебросил через шумную и опасную горную реку Серхио Каталану, являют собой образец скромности и тактичности: «Я выживший пассажир самолета, разбившегося в горах. Я уругваец...»

Содержащая примерно шестьдесят слов, эта короткая записка потрясла мир. Семь глаголов стоят во множественном числе, при этом Нандо сообщает о своей национальной принадлежности, тем самым словно давая понять, что он не сам по себе, а часть большого и важного целого. В конце послания юноши также нет и тени эгоизма: «Когда вы вернетесь и заберете нас?» Вместе с Роберто Канессой Нандо уже находится в горной долине, но чувство ответственности и взаимовыручки не позволяет

ему ни на минуту забыть о своих товарищах по несчастью. Эта книга еще и об особом отношении к людям: чилийский крестьянин четыре часа добирался верхом из горной глуши до ближайшего полицейского участка, чтобы передать властям записку молодого уругвайца.

В «Живых» речь идет о ценностях, выходящих за пределы очевидного и не обусловленных одними лишь фактами авиакатастрофы и вынужденной антропофагии.

Несмотря ни на что, ребята стали сплоченной командой, успешно использовали приобретенные ранее знания в борьбе с невзгодами и находили вдохновение в своем главном девизе: «На западе — Чили; мы вернемся домой еще до Рождества!» Никто не хотел оставлять пустым одно из мест за праздничным семейным столом. Из книги мы узнаем, как командный дух помогает людям выходить победителями из самых сложных ситуаций. Вдобавок к рвению, необходимому для достижения поставленных целей, каждый должен уметь проявлять упорство и изобретательность в преодолении преград (а они будут всегда) и никогда не пасовать перед лицом испытаний.

Книга повествует главным образом о шестнадцати выживших, но при этом отдает дань уважения всем тем, кто не смог вернуться домой. Вечная им память!

*Йёрг Томсен,
основатель и директор Музея андийской истории 1972 года
(Museo Andes 1972) в Монтевидео*

ПРЕДИСЛОВИЕ ПАРТНЕРА ИЗДАНИЯ

Самое частое слово, которое мы произносим, рассказывая о невероятных историях спасения, — это слово «чудо». И самое главное ЧУДО — это чудо поступка человека, чудо преодоления страха, боли, отчаяния, безнадежности. Чудо свершения невозможного, принятия на себя ответственности за жизни тех, кто оказался рядом, решимости совершить поступок и уверенности в его правильности даже тогда, когда надежды почти не осталось. Часто нам кажется, что такие поступки совершают какие-то особенные люди с какой-то особенной подготовкой, но на самом деле они живут среди нас... Они живут самой обычной жизнью — расстраиваются и радуются, обижаются и прощают, учатся, работают, дружат и любят; а еще часто не знают, что способны совершить невозможное, и, иногда размышляя о примерах преодоления, думают про себя: «Я бы так не смог...» Однако, когда наступает момент выбора и принятия решения, оказывается, что невозможно поступить иначе. Книга, которая лежит перед вами, — это книга про такие поступки и про таких людей, а еще про любовь к жизни и любовь к людям — самое главное, что делает человека человеком!

*Ю. С. Шойгу,
директор Центра экстренной психологической помощи Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным
ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий*

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Написать эту книгу мне помогли многие люди, и в первую очередь Эдвард Бёрлинггейм из издательства J. B. Lippincott & Co. Именно он подвиг меня на этот труд.

В Монтевидео большую помощь на подготовительном этапе мне оказали два уругвайских журналиста. Услугами одного из них, Антонио Меркадера, я воспользовался по совету членов правления клуба «Исконные христиане». Антонио снабдил меня подробной информацией о поисковых мероприятиях, организованных родителями ребят, и ценными биографическими сведениями о выживших пассажирах рокового авиарейса. Второй журналист, Эухенио Хинц, собирал данные о поисково-спасательных операциях, проведенных уругвайскими и чилийскими властями. Выражаю признательность Рафаэлю Понсе де Леону и Жерару Круазе-младшему за то, что рассказали о своем участии в розысках разбившегося «Фэйрчайлда», а также переводчику Пабло Хельси и доктору Хильберто Регулесу за полезные советы и дружескую поддержку.

В Лондоне расшифровывать магнитофонные записи и систематизировать собранный в Уругвае обширный материал мне помогала Джорджана Льюк, а дальнейшей работе оказывала содействие Кейт Гримонд.

Издатель и все шестнадцать спасшихся в Андах человек предоставили мне полную творческую свободу. Временами у меня возникало желание что-то домыслить в этой истории ради более

яркого драматического эффекта, но в итоге я решил, что для создания эмоционального напряжения достоверных сведений будет вполне достаточно. Кроме немногочисленных придуманных мной диалогов, все изложенное в этой книге основывается исключительно на фактах, с которыми меня ознакомили непосредственные участники тех трагических событий.

Наконец, именно им я хочу выразить свою глубочайшую благодарность. В Уругвае я повсюду встречал «сердечную любезность и врожденное чувство такта», о которых писал Уильям Хадсон¹, побывавший там более ста лет назад. Эти черты характера сполна проявились у родственников погибших и пострадавших, равно как и у самих потерпевших катастрофу молодых людей, отнесшихся ко мне с необычайной теплотой, доброжелательностью и доверием.

Когда в октябре 1973 года я вернулся в Уругвай и показал ребятам готовую рукопись, некоторые из них испытали разочарование и посетовали, что мне не удалось передать всю глубину веры и силу дружбы, которые вдохновляли их в горах. У меня и в мыслях не было умалить значимость этих важнейших человеческих качеств. Дело в другом: наверное, ни один, даже самый талантливый, писатель не смог бы в полной мере выразить словами все то, что пережили эти люди.

Пирс Пол Рид

¹ Уильям Генри Хадсон — английский писатель, натуралист, орнитолог, автор остросюжетных романов и повестей, действие которых происходит в Южной Америке, а также книг о флоре и фауне этого региона. *Прим. ред.*

ВВЕДЕНИЕ

История о том, как группе молодых уругвайцев удалось спастись после семидесяти дней пребывания в Андах, появилась в газетах всего мира сразу после Рождества 1972 года. Я отмечал праздник в нашем семейном доме на севере Англии — настолько далеко от Монтевидео, насколько это вообще возможно. Вскоре в прессу просочились сведения, что выжившие питались телами погибших в авиакатастрофе, и я воспринял это с легким отвращением. Когда мой американский издатель Эдвард Бёрлингем позвонил мне из Нью-Йорка с предложением написать книгу об этих событиях, я отказался не раздумывая.

Лишь благодаря настойчивости Бёрлингеяма и его щедрому предложению оплатить мой перелет первым классом из Англии в Уругвай и обратно без каких-либо обязательств с моей стороны, в середине января я отправился в Монтевидео, чтобы встретиться с выжившими в качестве кандидата на создание официальной литературной версии трагедии в горах. По прибытии в уругвайскую столицу я немедленно окунулся в череду конференций и светских мероприятий. Ряд более крупных американских издательств, в том числе Harper & Row и Reader's Digest, соревновались за право опубликовать книгу, содержание которой основывалось бы на рассказах победивших Анды пассажиров «Фэйрчайлда». Мне особенно запомнилась вечеринка, устроенная художником Карлосом Паэсом Виларо — отцом Карлитоса, одного из выживших юношей, — в его удивительном

белом особняке, который он сам же и спроектировал. Там я познакомился с еще не до конца оправившимися от пережитого ребятами, их прекрасными *novias*² и симпатичными, пышущими здоровьем друзьями. Мы пили коктейль «Писко сауэр» и любовались закатами над Южной Атлантикой.

Выжившие учредили комитет, который консультировал их по вопросам работы с заявками, поступавшими от зарубежных издательств. Родители некоторых юношей противились самой идее публикации подробностей случившегося, но в прессе продолжали появляться самые причудливые версии разыгравшейся в Андах трагической истории. Вот почему ее участники решили, что все же нужно написать книгу, которая, по их словам, сможет «донести до людей правду и опровергнуть распространявшиеся в последнее время ложные слухи о том, что... случилось... в Андах».

Юноши очень не хотели, чтобы рассказ получил сенсационную окраску, и настаивали на необходимости сделать основной акцент на духовной значимости перенесенных ими страданий. Таким образом, молодой английский романист, не говоривший по-испански и никогда прежде не занимавшийся документалистикой, на первый взгляд, выглядел наименее подходящей кандидатурой в сравнении с писателями (такими, как, например, Гэй Тализ), предложенными другими издательствами и пользовавшимися заслуженной репутацией специалистов в данной области. Тем не менее некоторые обстоятельства, объективно считавшиеся неподходящими, сыграли, наоборот, в мою пользу: я англичанин, а не *янки*, ненамного старше этих ребят и, что самое важное, исповедовал одну с ними веру — католицизм.

После полутора недель интенсивных переговоров комитет выбрал меня, и я подписал соглашение с выжившими. Эдвард Бёрлингем, тот самый издатель, который столь успешно

² Невесты (*исп.*).

отрекомендовал меня уругвайцам, сумел также добиться от них важной уступки, о чем некоторые из выживших впоследствии жалели: автор книги не «пойдет на сделку со своей совестью» и не согласится на цензуру готовой рукописи.

В начале февраля 1973 года Бёрлинггейм вернулся в Нью-Йорк, а я приступил к сбору материала и встречаю с пережившими авиакатастрофу, членами их семей, родственниками погибших. Это был непростой и временами болезненный процесс: юноши не горели желанием откровенно общаться ни со священниками, ни с родными, ни с психотерапевтами, так как открывать душу первым значило признаться в том, что они согрешили, вторым — что они все еще дети, а третьим — что они *locos*, сумасшедшие! Я же превратился для них в наперсника, советчика и исповедника. В результате возникшая между нами связь стала такой тесной, что они иногда называли меня «семнадцатым выжившим».

Когда в октябре 1973 года я вернулся в Монтевидео вместе с Эдвардом Бёрлинггеймом и рукописью «Живых», некоторые парни посчитали, что я злоупотребил их доверием. Ребятам неприятно поразило то, что я описал мрачные подробности горного рациона, к тому же выставив их чудовищами. Где написано, что они достойные восхищения, отважные молодые люди? Почему я не представил их спасение как чудо? Каждый из юношей сообщил мне, что характеры остальных пятнадцати человек я раскрыл вполне успешно, но вот *ego* лично не понял совсем.

В нашем номере в «Виктория Плаза» царила суматошная, почти истеричная атмосфера. Нас уверяли, что, если книга будет опубликована в ее нынешнем виде, выживших непременно побьют камнями на улицах Монтевидео. Сохранял спокойствие только Нандо Паррадо. Я попытался объяснить молодым людям метод, который использовал при написании книги: их история в эмоциональном плане была столь мощной, что поведать ее без напускного пафоса представлялось самым верным решением.

Автору не следует навязывать читателю свою точку зрения: тот должен иметь возможность самостоятельно сделать выводы, которые сочтет правильными. Подробности, быть может, и ужащающие, но, если их не раскрыть, люди подумают, что в горах происходили вещи пострашнее описанных в книге.

Следующей весной «Живые» вышли в Нью-Йорке, а в скором времени — и в других странах. Читатели приняли книгу достаточно благосклонно, и спасшиеся юноши не просто не подверглись побиванию камнями у себя на родине, но даже стали национальными героями. Книга была переведена на пятнадцать языков, разошлась тиражом более пяти миллионов экземпляров, а в 1992 году по ней сняли художественный фильм. Ни одно из читательских писем, которых я получил немало, не содержит критики в адрес выживших пассажиров разбившегося в Андах самолета. Напротив, как верно заметил автор одного из отзывов, эта история «группы людей, превзошедших *in extremis*³ собственные и чужие ожидания... позволила мне испытать несколько большую, чем обычно, радость от осознания, что я принадлежу к роду человеческому».

³ На краю, у последней черты (*лат.*). *Прим. ред.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Во второй половине дня в пятницу, 13 октября, потеряв связь с уругвайским «Фэйрчайлдом», диспетчеры аэропорта Пудауэль в Сантьяго немедленно позвонили в Воздушную службу спасения (ВСС). Ее штаб располагался в другом аэропорту столицы — Лос-Серрильосе. Начальства ВСС не оказалось на месте, и за проведение поисково-спасательной операции взялись два бывших руководителя службы — офицеры чилийских ВВС Карлос Гарсия и Хорхе Масса. Оба умели пилотировать все самолеты, имевшиеся в их распоряжении: «Дугласы С-47», «Дугласы DC-6», турбовинтовые «Твин-Оттеры», легкомоторные «Цессы» и мощные многоцелевые вертолеты «Белл».

Вечером один из «Дугласов DC-6» вылетел к месту, над которым предположительно находился пропавший «Фэйрчайлд» в ту минуту, когда пилоты в последний раз вышли на связь с диспетчерами, то есть в воздушном коридоре, связывающем Курико с Ангостурой и Сантьяго. Населенные пункты в расчет не принимались, так как местные жители обязательно сообщили бы властям об авиакатастрофе. Поисковики сосредоточились на безлюдных высокогорных районах. Ничего не обнаружив, они продолжили исследовать предполагаемый маршрут уругвайского борта между Курико и Планчоном. Над самим Планчоном

бушевала пурга, что серьезно затрудняло видимость, поэтому «Дуглас» вернулся в Сантьяго.

Четырнадцатого октября Гарсия и Масса тщательно проанализировали все поступившие им сведения: время, когда «Фэйрчайлд» вылетел из Мендосы; время, когда он пролетал над Маларгуэ; скорость лайнера и встречного ветра над Андами — и пришли к выводу, что самолет никак не мог находиться над Курико в течение последнего сеанса связи пилота с диспетчерами, а, вероятнее всего, пролетал тогда над Планчонским ущельем. Вместо того чтобы повернуть в сторону Ангостуры и Сантьяго и начать заход на посадку в аэропорту Пудауэль, пилоты, видимо, по ошибке устремились вглубь Анд и приступили к снижению где-то между вершинами Тингиририки, Соснеадо и Паломо. Гарсия и Масса квадратом со сторонами в 20 дюймов⁴⁷ обозначили на карте предполагаемый район авиакатастрофы и направили туда несколько самолетов из Сантьяго.

Спасатели хорошо понимали, с какими трудностями им предстояло столкнуться. Горные вершины в районе поисков достигали 15 000 футов⁴⁸. Если «Фэйрчайлд» разбился где-то между ними, то лежал в одной из долин, расположенных на высоте 12 000 футов⁴⁹. Глубина снежного покрова там составляла от 20 до 100 футов⁵⁰. Фюзеляж, выкрашенный в белый цвет, трудноразличим на фоне снега. К тому же полеты в зоне сильной турбулентности могли привести к новым катастрофам и человеческим жертвам. Но, как бы то ни было, методичный поиск обломков в заданном районе оставался ритуалом, который чиллийцам предстояло соблюсти.

⁴⁷ 20 дюймов = 51 см.

⁴⁸ 15 000 футов = 4572 м.

⁴⁹ 12 000 футов = 3657,6 м.

⁵⁰ От 6,1 до 30,5 м.

Специалисты Воздушной службы спасения аэропорта Лос-Серрильос с самого начала не тешили себя иллюзиями относительно шансов пассажиров пропавшего лайнера остаться в живых в Андах. Они знали, что в середине весны температура в горах нередко опускалась до 30–40 градусов ниже нуля, и не сомневались, что, даже если нескольким людям удалось уцелеть, они непременно должны были погибнуть от переохлаждения в первую же ночь.

В соответствии с международным соглашением страна, на чьей территории произошла авиакатастрофа, обязана вести поисковую операцию в течение десяти дней. Несмотря на политические и экономические потрясения в Чили, ВСС должна была выполнить свои обязательства. Кроме того, в Сантьяго начали прибывать родственники пассажиров «Фэйрчайлда».

2

Оставшиеся в Монтевидео родственники пропавших без вести пребывали во власти растерянности и тревожного ожидания новостей после первых сообщений в СМИ об исчезновении самолета. По радио несколько раз передали, что «Фэйрчайлд» сделал остановку в Мендосе (о чем никто из них не знал), на следующий день вылетел в Сантьяго и пропал в горах. За этими репортажами не последовало никаких заявлений от официальных лиц, и образовавшийся информационный вакуум стали заполнять неофициальные, зачастую противоречивые сообщения. В субботу, 14 октября, отец Даниэля Фернандеса, в пятницу не включавший радио, услышал об обнаружении лайнера еще до того, как узнал о его исчезновении. В других сообщениях говорилось, что юноши благополучно добрались до Сантьяго и остановились в отеле. Распространился новый слух: «Фэйрчайлд» якобы сел не в столице, а где-то на юге Чили.

Каналом получения сведений о судьбе лайнера и их последующей корректировки служила радиостанция в одном из домов Карраско, где проживал радиолюбитель по имени Рафаэль Понсе де Леон. Увлечение радиотехникой передалось ему от отца, установившего в подвале своего жилища самое современное оборудование, в том числе мощный передатчик «Коллинз KWM-2». Рафаэль был членом клуба «Исконные христиане» и другом Марсело Переса. Сам он не полетел в Чили только потому, что не хотел разлучаться с женой, находившейся на седьмом месяце беременности. По просьбе Марсело Рафаэль через свой радиопередатчик связался с отелем в Сантьяго и забронировал номера партнерам по команде. Для этого он установил контакт с чилийским приятелем, тоже радиолюбителем, и тот подключил его к чилийской телефонной сети. Такой не совсем законный способ коммуникации всегда оказывался быстрее и дешевле обычного телефонного звонка, а власти терпимо относились к подобного рода махинациям граждан.

Узнав вечером 13 октября, что «Фэйрчайлд» пропал в Андах, Рафаэль сразу позвонил в отель «Крильон» в Сантьяго. Его сотрудник подтвердил, что «Исконные христиане» остановились в нем. Когда новые репортажи поставили эти слова под сомнение, Рафаэль снова потревожил администрацию отеля. Ему сообщили, что в «Крильоне» проживают всего два игрока команды — Хильберто Регулес и Бобби Хаугуст, причем оба прилетели в Сантьяго регулярными рейсами. Хильберто воспользовался услугами коммерческой авиакомпании, потому что опоздал на общий сбор в аэропорту, а Бобби — по совету отца, официального представителя KLM⁵¹ в Монтевидео.

⁵¹ KLM (*нидерл.* Koninklijke Luchtvaart Maatschappij — «Королевская авиационная компания») — нидерландская авиакомпания, основанная в 1919 году.
Прим. ред.

Как только Рафаэль прояснил это недоразумение, с ним на связь вышли его знакомые и сообщили, что чилийская подружка Гвидо Магри, одного из пропавших регбистов, звонила родителям юноши и сказала, что самолет приземлился в каком-то городке на юге Чили; по ее словам, никто из пассажиров и членов экипажа не пострадал. Рафаэль известием об отеле уже доставил горькое разочарование родственникам ребят, поэтому решил тщательнейшим образом проверить новые сведения. Он позвонил Сесару Чарлоне, уругвайскому поверенному в делах в Сантьяго⁵², и тот скептически заметил, что заявление девушки вряд ли соответствует действительности. Согласно официальным данным, лайнер все еще считался пропавшим без вести.

За это время семья Магри распустила слух, что «Фэйрчайлд» нашелся на юге страны. Не желая напрасно обнадеживать родных своих друзей, Рафаэль счел необходимым переговорить с самой Марией де лос Анхелес, подружкой Гвидо. Связавшись с ней по радио, он попросил ее подтвердить свои слова. Мария призналась, что солгала. Во время телефонного разговора с сеньорой Магри девушка решила на обман, понимая, что бедная женщина очень подавлена случившимся.

— Я не сомневалась, что самолет скоро найдут, — оправдывалась Мария, — потому и сказала, что его уже отыскали.

Рафаэль записал этот разговор на пленку и отправил кассету на радиостанцию «Радио Монте-Карло», чтобы ведущие поставили запись в эфир во время очередного выпуска новостей. Юноша выключил свой передатчик глубокой ночью, но его труды не пропали даром. К девяти утра слух, пущенный Марией де лос Анхелес, был окончательно развеян: лайнер еще не нашли.

Карлос Паэс Виларо, известный уругвайский художник и отец Карлитоса, первым прибыл в штаб Воздушной службы спасения

⁵² Поверенный в делах — глава дипломатического представительства рангом ниже послов и посланников. *Прим. ред.*

аэропорта Лос-Серрильос. В пятницу вечером он случайно услышал по радио об исчезновении «Фэйрчайлда», находясь в доме бывшей жены в Карраско. Художник приехал навестить одну из дочерей — после развода родителей они жили у матери, Маделон Родригес. Паэс Виларо хотел выяснить как можно больше подробностей происшествия у официальных лиц, в частности у Чарлоне и одного из офицеров уругвайских ВВС, которого знал лично. Дипломат не сообщил ничего обнадеживающего, а офицер назвал Феррадаса лучшим и опытнейшим военным летчиком в стране. Паэс Виларо и так знал, что этот офицер и Феррадас были единственными пилотами своего поколения, кто уцелел в авиакатастрофах. Художник сказал Маделон, что намерен самостоятельно искать ребят, и в воскресенье утром отправился в Чили.

В тот же день Паэс Виларо пролетел на «Дугласе DC-6» чилийских ВВС по предполагаемому маршруту «Фэйрчайлда». Когда он вернулся в Лос-Серрильос, туда прибыл родственник одного из юношей, а в понедельник в аэропорту находились уже двадцать два соотечественника Паэса.

При виде такого количества людей Масса заявил, что родственникам пассажиров «Фэйрчайлда» отныне будет запрещен доступ на борт самолетов, задействованных в поисково-спасательной операции. Тогда все прибывшие собрались в кабинете Сесара Чарлоне, где услышали по радио важную новость: чилийский шахтер Камило Фигероа сообщил полиции, что видел, как объятый пламенем лайнер рухнул на землю примерно в 70 милях⁵³ к северо-востоку от Курико, в районе Эль-Тибурсио.

В понедельник, 16 октября, Гарсия и Масса во главе спасательной экспедиции отправились в горы. Утром они ничего не обнаружили. Днем пилот, пролетавший над Эль-Тибурсио, заметил столб дыма; довольно скоро выяснилось, что он поднялся из трубы крестьянской хижины.

⁵³ 70 миль = 112,7 км.

В тот же день бригада спасателей, сформированная из карабинеров (сотрудников чилийской военной полиции) и членов Андийского спасательного корпуса (добровольческой организации, занимающейся поисками пропавших в Андах людей), вышла из Ранкагуа в район между Планчоном и Эль-Тибурсио, но ближе к вечеру вынуждена была остановиться из-за сильного снегопада и ветра.

В силу неблагоприятных метеоусловий следующие два дня самолеты спасателей не поднимались в воздух. В районе поисков была сплошная облачность, шел снег. Часть уругвайцев, пав духом, вернулась в Монтевидео. Другие остались в Чили и решили организовать собственную поисковую группу. Они не сомневались, что чилийцы делали все возможное для спасения их детей, ведь даже «Фэйрчайлд» (брат-близнец того, на котором летели регбисты), направленный уругвайскими ВВС в Чили для участия в спасательной операции, не мог взлететь из-за непогоды, но понимали, что время на исходе. Специалисты не верили, что кто-либо из пассажиров выжил.

— Это невозможно, — решительно заявил Масса журналистам. — А если кто-то и уцелел в момент крушения, то позже, несомненно, оказался погребен под снегом.

Паэс Виларо начал разрабатывать собственный план действий. В Сантьяго он купил книгу «Снега и горы Чили», где прочитал, что участок, на котором возвышались Тингиририка и Паломо, принадлежал некоему Хоакину Гандарильясу. В надежде, что хозяин этих земель хорошо знает свои владения, художник договорился с ним о встрече. Гандарильяс принял уругвайского гостя очень любезно, но сообщил ему, что огромное землевладение конфисковано властями в рамках проводимой президентом Альенде аграрной реформы. Тем не менее чилиец досконально знал эту территорию, и Паэсу Виларо удалось уговорить его отправиться вместе с ним в район вулкана Тингиририка.

Два дня добирались они до западного склона вулкана: сначала на автомобиле, потом верхом на лошадях. Снегопад прекратился,

но бескрайние поля свежесвыпавшего снега только подчеркивали запустение склона. Они никого не нашли — ни живых, ни мертвых. Художник, глядя на громадную гору, громко свистнул, надеясь, что сын чудом услышит его. Свист эхом отразился от голых скал и утонул в снегу. Мужчины вернулись в Сантьяго ни с чем.

Пока Паэс Виларо разыскивал сына, некоторые из оставшихся в Уругвае родственников прибегли к не вполне традиционным методам поиска. Так, мать Маделон, бывшей жены Паэса Виларо, в сопровождении Хуана Хосе, брата Хавьера Метоя, посетила в Монтевидео одного престарелого лозоискателя. Поговаривали, что он обладал даром ясновидения и умел находить не только подземные источники воды. Втроем они принялись изучать карту Анд. Старик поднес к ней раздвоенный прутик. Почти мгновенно прутик задрожал, и его конец указал место на восточном склоне вулкана Тингиририка, в 19 милях⁵⁴ от курорта Термас-дель-Флако.

Маделон сообщила координаты этого места Паэсу Виларо, связавшись с ним по радиостанции Рафаэля Понсе де Леоне. Художник сказал, что служба спасения уже обследовала указанный район, а если самолет действительно там разбился, то пассажиры обречены.

Маделон такой вывод совершенно не устраивал. Она выбросила из головы лозоискателя, хотя и не отказалась от мысли обратиться за помощью к экстрасенсу. Женщина встретила с уругвайским астрологом Борисом Кристоффом и попросила назвать имя лучшего ясновидящего в мире.

— Круазе, — без колебаний ответил Кристофф. — Жерар Круазе из Утрехта.

Росина Штраух, мать Фито, уповала на помощь иного рода. Знакомые рассказали ей, что десятью годами ранее детям

⁵⁴ 19 миль = 30,6 км.

в испанском городке Гарабандаль не раз являлась Пресвятая Дева Мария, однако официального признания Ватикана эти удивительные события не получили. Чтобы убедить папу в их истинности, Божия Матерь, безусловно, должна сотворить чудо. С этой верой в сердце Росина и матери еще двоих регбистов начали истово молиться Богородице Гарабандальской.

Иные родители смирились с утратой и в своих молитвах просили Господа ниспослать им стойкости и принять души их сыновей в Царствие Небесное. Мать Карлоса Валеты, пропавшего в горах сразу после крушения «Фэйрчайлда», оставила надежду. Днем в пятницу ей привиделся падающий лайнер и израненное лицо сына. Потом она увидела юношу спящим, а к половине шестого уже знала, что он погиб. Другие исходили из того, что выжить в Андийских Кордильерах после авиакатастрофы невозможно.

И все же каждый вечер подвал дома Рафаэля Понсе де Леона заполняли родные, друзья и подруги пропавших в Андах. Все они, затаив дыхание, ждали новостей.

Поисково-спасательная операция ВСС была возобновлена 19 октября и длилась еще почти трое суток. В ней принимали участие даже аргентинские самолеты из Мендосы. Паэс Виларо с товарищами продолжил поиски на «Цессне», предоставленной им во временное пользование аэроклубом Сан-Фернандо. Несмотря на все усилия, «Фэйрчайлд» они не обнаружили.

Таким образом, работы заняли в целом восемь дней; два из них были потеряны по причине нелетной погоды. Сотрудники службы спасения рисковали жизнью и жгли дорогое топливо в ходе операции, которую все здравомыслящие люди считали бесполезной. В полдень 21 октября Гарсия и Масса сделали официальное заявление для прессы; в нем отмечалось, что «поиски уругвайского авиалайнера, следовавшего рейсом FAU571 из Монтевидео в Сантьяго, результатов не дали и поэтому прекращаются».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Утром девятого дня тело Сусаны Паррадо вынесли на снег. Снаружи ребята слышали только шум ветра, а взорам их открылся все тот же унылый пейзаж — покрытые снегом горы.

В течение дня Анды выглядели по-разному. Ранним утром они казались яркими и далекими. После полудня на долину ложились длинные тени, отчего серые, бурые и зеленые скалы становились похожими на угрюмых зверей или осерчавших богов, недовольно смотрящих на непрошенных гостей.

Сломанные кресла из пассажирского салона были выставлены возле самолета подобно пляжным шезлонгам. Тот, кто утром первым выходил из фюзеляжа, садился в одно из них и принимался топить снег, задумчиво глядя в сторону горизонта. Каждый новый день оставлял на лицах выживших все более заметные следы физического истощения. Работавшим в салоне и снаружи юношам становилось все труднее двигаться. Малейшее физическое напряжение вызывало упадок сил. Многие оставались сидеть там, где спали ночью, будучи настолько опустошенными и безразличными ко всему, что даже не стремились выйти на свежий воздух. Всеобщая раздражительность становилась серьезной проблемой.

Марсело Перес, Даниэль Фернандес и другие старшие члены коллектива с беспокойством догадывались, что их товарищам

грозит нервное истощение. Ожидание спасателей изматывало, юноши вздорили по пустякам.

Марсело изо всех сил пытался личным примером воодушевить их. Он был наивным оптимистом, с уверенностью говорил, что всех обязательно спасут, и предложил своей команде спеть хором. Регбисты с трудом исполнили «Клементину», после чего петь никому уже не хотелось. «Исконные христиане» чувствовали, что их капитан уже значительно меньше уверен в себе. По ночам Марсело охватывала тоска. Он думал о матери и о том, как она, должно быть, страдает, о брате, проводившем медовый месяц в Бразилии, и об остальных членах своей семьи. Парень старался скрыть слезы, а когда погружался в дремоту и начинал видеть сны, то с криком просыпался. Эдуардо Штраух утешал его, но Марсело считал, что несет единоличную ответственность за все случившееся как капитан команды и идейный вдохновитель поездки в Чили.

— Не будь глупцом, — говорил ему Эдуардо. — Ты не должен винить себя. Я убедил Гастона и Даниэля Шоу лететь вместе с нами, и оба они погибли. За день до вылета я даже позвонил Даниэлю и напомнил ему о предстоящем сборе в аэропорту, но не считаю себя виновным в его смерти.

— Если кто и виноват, — сказал Фито, — то только Бог. Почему Он допустил, чтобы Гастон погиб?

Этими словами Фито хотел подчеркнуть, что Гастон Костемалье, находившийся в хвосте самолета, был не первым погибшим в своей семье: ранее его мать потеряла мужа и другого сына.

— За что Господь послал нам такие страдания? Мы ведь не сделали ничего плохого!

— Все не так просто, — ответил Даниэль Фернандес, третий из кузенов Штраух.

Среди двадцати семи выживших два-три человека служили для всех образцом мужества и стойкости. Эчаваррен, хоть и страдал от сильной боли в покалеченной ноге, почти всегда